Сидорцов, В. Н. Понятие «социальная революция» в свете синергетики / В. Н. Сидорцов // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 4 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2009. — С. 189–195.

В. Н. СИДОРЦОВ

ПОНЯТИЕ «СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В СВЕТЕ СИНЕРГЕТИКИ

В структуре исторического исследования, как известно, исключительно важное значение имеет использование научных понятий. Они составляют логический фундамент науки, аккумулируют исторические знания, организуют и систематизируют материал. Методология истории раскрывает основные понятия исторической науки и показывает их роль в процессе познания. Перед ней стоит важная задача по совершенствованию понятийного аппарата. Особую остроту эта задача приобрела в современных условиях интеграции наук, когда в качестве возможного пути преодоления крайностей выдвигаются междисциплинарные исследования, а междисциплинарность становится интегрированным объектом исторического исследования.

От степени разработанности и дифференцированности понятийного аппарата зависит уровень развития науки. В процессе уточнения понятий как результата воздействия внутренних (историографических) и внешних (междисциплинарных) факторов развития науки одни из них отмирают и появляются новые, другие — меняют свой смысл, наполняются новым содержимым. Анахронизмом, например, звучит ныне понятие «развитой социализм», которое было популярно в недалеком прошлом. Вместе с тем закрепились понятия «идеальный тип», «менталитет», «цивилизация» и т. д. Расширилось содержание таких понятий, как «полис», «диктатура», «революция (социальная)» и др.

Советская историческая энциклопедия (1968) трактовала понятие «социальная революция» с позиции формационной концепции развития общества, как проявление высшей формы классовой борьбы. В 11-м томе СИЭ мы читаем: «Революция *социальная* — коренной переворот в жизни общества, изменяющий его структуру и означающий качественный скачок в его прогрессивном развитии» [7, с. 926]. Политический словарь, отмечая возможность мирной революции, указывал со ссылкой на В. И. Ленина, что главным признаком революции «как в строго-научном, так и в практически-политическом значении» является «переход государственной власти из рук одного в руки другого класса» [4, с. 389]. Революция характеризовалась исключительно как благо для трудящихся.

Уточненную характеристику социальной революции, в частности Октябрьской революции, дает Большой энциклопедический словарь. Наряду с категорией социальной революции (революции вообще) как «глубокого качественного изменения в развитии … общества» [1, с. 1002], в нем отдельно выделено понятие Октябрьской революции, которое стало доминирующим в Новейшем энциклопедическом словаре. Она есть «вооруженное свержение Временного правительства и приход к власти партии большевиков, провозгласившей установление советской власти, начало ликвидации капитализма и переход к социализму» [1, с. 838; 5, с. 904]. Отмечается, что действия Временного правительства в решении жизненно важных вопросов того времени (аграрного, рабочего, национального), продолжение участия в мировой войне усугубили общенациональный кризис, привели к «созданию предпосылок для усиления крайне левых партий в центре и на окраинах страны» [5, с. 904], в том числе в Беларуси. Возросла роль субъективного фактора. Особенно энергично воспользовались ситуацией большевики. Они провозгласили курс на социалистическую революцию в России, рассматривая ее как начало мировой революции. И далее: «разгон Учредительного собрания способствовал дальнейшему расколу страны, обострению Гражданской войны».

Характерно, что в современной справочной литературе в определениях этих понятий нет и намека на формационное развитие общества, на высшую форму классовой борьбы. В литературе представлены скорее фотографии событий, чем их умственная конструкция.

Как правило, за революциями тянется большой кровавый шлейф. Ее ужасы особенно рельефно показал Э. Радзинский в своей драме времен Великой французской революции, когда наиболее «занятыми работой» оказались палачи, гильотинируя классовых врагов революции, а затем и тех, кто их казнил и т. д. [10]. Нечто подобное было и в период Октябрьской революции в России, когда большевики, захватив власть, были в первую очередь озабочены созданием органов для борьбы с контрреволюцией, организацией массовой Красной армии, заключением позорного Брестского мира с Германией, что в целом обеспечило им победу в Гражданской войне и утверждение своей однопартийной диктатуры. А затем, в ходе углубления революционных преобразований, последовало уничтожение «ленинской гвардии», старательных хозяев в деревне, инакомыслящих и т. д.

О расширении понятия «социальная революция» свидетельствует и ныне широкий спектр оценок Октября: справа — это была национальная

катастрофа с ее огромными человеческими жертвами, слева — это попытка создания социализма как демократического строя социальной справедливости. На первый взгляд представляется, что сторонники означенной второй точки зрения пытаются обелить Октябрьский переворот и все, что последовало за ним и было связано с захватом власти.

Расширение понятия идет не только за счет «демократического» фактора, но и путем представления революции как непрерывного процесса вовлечения в нее все новых сил, активизации их действий. Примером может служить содержательное наполнение революционного процесса, данного авторами опубликованного в 2006 г. 5-го тома шеститомной истории Беларуси. Том открывается разделом, озаглавленным «Працяг рэвалюцыйнага працэсу», в котором рассматриваются «кастрычніцкі этап рэвалюцыі», «час замежнай ваеннай інтэрвенцыі і грамадзянскай вайны» и «уздзеянне рэвалюцыйных падзей на жыццё народа» (в последней части, хотя и дается новая информация, хотелось бы прочесть о суждениях «внизу» по поводу происходивших событий). Особый интерес вызывает рубрика «Да пытання аб сутнасці Кастрычніцкай рэвалюцыі».

Каковы могут быть историософские основания такой трансформации понятия?

В теоретико-методологитческих исследованиях на первый план выдвинулась задача изучения эволюционного пути развития в противовес революционному («локомотиву истории»). При этом нельзя не согласиться с Л. И. Бородкиным, что особое внимание привлекает вопрос о создании методологической базы изучения неустойчивых исторических процессов, и прежде всего в новейшее время, нестабильных политических ситуаций, непредсказуемости радикальных перемен, возрастания альтернативности развития [3, с. 118]. Заметим, для историка — и подобных ситуаций в прошлом, в частности 1917 г., связь с которыми продолжает доминировать, по крайней мере в белорусской исторической науке. Казалось бы, что имеющее место расширение понятия «эволюция» должно, так сказать, сузить понятие «революция» как антипода эволюционного развития. Отнюдь нет, и эволюционно-синергетическая парадигма, как одна из систем, дает достаточное, на наш взгляд, теоретико-методологическое обоснование этому парадоксу.

В соответствии с синергетической парадигмой, пишет Л. И. Бородкин, «развитие понимается как последовательность длительных периодов, соответствующих стабильным состояниям системы, которые прерываются короткими периодами хаотического поведения (бифуркации-

ями (разветвлениями. — *В. С.*), после чего происходит переход к следующему устойчивому состоянию (аттрактору — состоянию притягивания траекторий движения новообразований), выбор которого определяется, как правило, флуктуациями (колебаниями, малыми возмущениями) в точке бифуркации» [3, с. 119]. Короткие периоды хаотического состояния, надо понимать, лишь в сравнении со стабильными периодами, а не как таковые, которые могут принимать затяжной характер, перерастать из одной фазы в другую (см. вышеозначенную концепцию белорусских историков).

Стабильное состояние называют еще режимом сохранения порядка, а хаотическое поведение — режимом зарождения нового порядка [8]. Если первый характеризуется в *политическом* отношении стремлением к самоизоляции, централизмом и авторитаризмом; в *экономическом* — государственным и централизованным регулированием экономики; в *социальном* — тенденцией к социальной однородности, исключением кардинальных перемен; в *духовном* (области *культуры*) — доминированием консервативной идеологии и традиционных ценностей в культуре и нравственности, то второй режим — соответственно полной открытостью и доминированием либеральных ценностей; активизацией рыночных отношений; стремительной динамикой социальных изменений и усилением социального метаболизма; индивидуальным и автономным моральным статусом личности.

Такой подход предполагает иной, чем сложившийся в историографии, порядок изложения имеющегося исторического материала с определенным привлечением нового. Это уже само по себе создает интригу, вызывает интерес и активизирует мысль. Более того, стимулированное мышление открывает возможность и обеспечивает получение нового знания. Не трудно заметить, что обстановка режима зарождения нового порядка (состояния хаоса) создает весьма благоприятную обстановку для проявления социальной и индивидуальной активности обычных людей во всех сферах жизни общества. Возникает новый исторический источник — фундамент для истории повседневности.

Возможно, начало такому подходу положил Г. В. Плеханов — политический деятель, философ, теоретик марксизма, поддержавший Февральскую революцию, но не признавший Октябрьскую [4, с. 989]. Передовые для своего времени идеи о роли личности в истории он распространил и на непосредственных производителей материальных благ, на народные массы. Однако, касаясь случайности (субъективного фактора) в истории, Г. В. Плеханов детерминировал ее объективными ус-

ловиями. «Влиятельные личности, благодаря особенностям своего ума и характера, — писал он, — могут изменять *индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия,* но они не могут изменить их общее *направление,* которое определяется другими силами» [6, с. 21]. Синергетика довольно свободна в толковании этой роли. Убийство австрийского престолонаследника Франца Фердинанда 18-летним сербским националистом студентом Гаврилой Принципом — не просто «повод» для начала Первой мировой войны.

Погружаясь в революцию, общество приходит в броуновское движение. Тысячи людей (главным образом из беднейших слоев населения) стремятся проявить и показать себя прежде всего в политической деятельности. В недалеком прошлом мы знали только тех, кто сыграл наиболее масштабную роль в жизни социума в целом либо в его важнейших сферах, причем лишь с деловой стороны, а не как простых (обыкновенных) людей со своими индивидуальными чертами, объяснявшими порой их поступки, хотя в этом отношении уже имеются известные подвижки. Так, биография В. И. Ленина, характеризуемого как российского политического деятеля, теоретика, руководителя советского социалистического государства, оказавшего значительное влияние на историю XX в. [5, с. 677—678], описывается не с идеологической, а с духовной стороны (например, кинофильм Сокурова «Телец»).

Происходит столкновение личностей, представляющих самые различные слои населения. Хотя исполком Минского совета по получении известия из Петрограда 26 октября и обратился ко всем ревлюционным организациям и политическим партиям края с предложением немедленно начать формирование временных органов революционной власти на местах, фактически проводил большевистскую изоляционную линию, опираясь на Военно-революционный комитет Западного фронта. Игнорировалось требование ряда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о создании демократического правительства. Произошло столкновение с Комитетом спасения революции, представлявшим партии эсеров, меньшевиков, бундовцев. Имела место концентрация сил большевиков (создан Облисполком Западной области и фронта), а не сближение с социалистическими партиями. Немаловажную роль в этом играла личность К. И. Ландера, сконцентрировавшего в своих руках посты председателя Минского совета рабочих и солдатских депутатов, ВРК Западного фронта, СНК Западной области и фронта и др. Что стоило его заявление о необходимости социалистического правительства лишь при условии, если в правительстве представители

социалистических партий будут в меньшинстве! [9, с. 53—54]. И это в то время, когда их поддерживало большинство населения. В итоге — курс на «захват» власти со стороны большевиков.

Противоречия возросли в связи с роспуском I Всебелорусского съезда в Минске и Учредительного собрания в Петрограде. Действительно, подтверждается и уточняется вывод о том, что революция «разбудила и расковала» огромные силы народа, хотя никто не знал, как «обустроить» огромную страну [9, с. 62].

Прав Л. И. Бородкин, ссылаясь на И. Пригожина и И. Стенгерса, Е. Топольского и Ю. М. Лотмана в том, что (1) при прохождении системы именно через точки бифуркации малые флуктуации могут вызывать крупные последствия (пример с К. И. Ландером), что (2) социальные и исторические механизмы делают рассматриваемую роль возможной, а без нее (данной личности) они же могут породить другую историю, что (3) с этой ролью связан выбор альтернатив [2, с. 305—307]. Названные механизмы в каждом отдельном случае требуют достаточно глубокого изучения, что делает нашу проблему весьма актуальной.

Синергетическая парадигма раздвигает рамки понятия «социальная революция», усиливая в нем антропологическую составляющую, органически связывает режимы хаоса и порядка, задает параметры перехода к новой устойчивой системе, системе с новой уровневой организацией ее элементов и саморегуляцией. Изучение точек бифуркации, ситуаций вокруг них позволяет делать вывод о том, что обстоятельства в условиях экстремальной нестабильности могут придать личности с определенным уровнем способностей (не обязательно выдающейся) огромную силу влияния на ход процесса.

Мы имеем теоретическое обоснование того положения, что революция «разбудила и расковала огромные силы народа». Понятие социальной революции наполнилось новым содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь. М.: Науч. изд-во «Большая российская энциклопедия»; СПб.: Норинт, 1997.

2. *Бородкин, Л. И.* Историческая синергетика: ещё раз о роли личности в истории / XXI век: актуальные проблемы исторической науки: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск: БГУ, 2004.

3. *Бородкин, Л. И.* Синергетика в изучении неустойчивых историко-политических процессов: от «равновесия ужаса» к «ужасу неравновесий» /

Л. И. Бородкин // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3. Мінск: БДУ, 2007.

4. Краткий политический словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1987.

5. Новейший энциклопедический словарь. М.: Изд-ва «АСТ», «Астрель», «Транзиткнига», 2006.

6. *Плеханов, Г. В.* К вопросу о роли личности в истории / Г. В. Плеханов. М.: Госполитиздат, 1944.
7. СИЭ. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1968.
8. См.: *Василькова, В. В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем: (синергетика и теория социальной самоорганизации) / В. В. Василькова. СПб., 1999.
9. См.: Гісторыя Беларусі: у 6 т. Мінск: Экаперспектыва, 2006. Т. 5.
10. См.: *Радзинский, Э.* Роковые минуты истории. Драма времен Великой французской революции в трех действиях / Э. Радзинский. М.: Изд-во «ВАГРИУС», 2004.